

Ирина Мельникова

Ангел сердца

Глава 1

От дома до автобусной остановки триста двадцать семь шагов. На это уходит чуть меньше пяти минут. А если быстрым шагом, можно успеть и за три. Сначала — утром, потом столько же — после занятий в школе.

И почему меня не отправили в обычную школу через дорогу? Обязательно нужен какой-то уклон, иначе обучение считается неполноценным. Только родители совсем забыли, что сами учились в обычной школе без всяких там заморочек, и ничего, стали вполне успешными людьми. Мама — менеджер в крупной турфирме. Отец занимается бизнесом, открыл несколько маленьких, но уютных кафешек в центре города, где мы с Ликой любим посидеть во время вечерних прогулок.

Кстати, о Лике. Не знаю, что бы я делала, если бы её не было в моей жизни. Наверное, мне жилось бы гораздо тоскливее. Она моя лучшая подруга. Сдружились мы не так давно, всего пару лет назад, хотя учимся в одном классе уже десятый год. Мы слишком разные, а потому часто не совпадаем в интересах и даже ссоримся по этому поводу. Поэтому для многих одноклассников, да и для нас самих, если честно, стал удивительным тот факт, что мы подружились. Я и сама не могу припомнить момент, когда всё произошло. Может быть, когда нас посадили за одну парту делать лабораторную работу по химии? Или когда я забыла формулу по алгебре, стоя у доски, а она подсказывала мне, так как сидела ближе всех, на первой парте? А может, когда она лежала в больнице с аппендицитом, а я её навестила? В общем, медленно, но верно, по кусочкам, как частички одного пазла, наши отношения из минуса превращались в плюс, пока мы вдруг не поняли, что делить нам нечего, и повода для ссор нет. А то, что мы разные, может быть только на пользу — нам есть чему учиться друг у друга!

Лика отходчивая, общительная, с ней не нужно думать о том, чем скрасить неловкое молчание — таких проблем у нас не возникает. Ей всегда

есть что рассказать, чем поинтересоваться. А сколько у неё знакомых! Кажется, с каждым вторым в нашем городе она обменивается приветами и парой незначительный фраз вроде: «Как дела? Куда направляешься?» Я так не могу. Я более закрытый человек, тщательно оберегаю свое внутреннее пространство и доступ туда получают совсем немногие, те, кому я искренне верю. Пожалуй, таких людей в моем окружении можно посчитать по пальцам одной руки — мама, папа, бабуля и Лика.

В младших классах у меня был ещё один друг — Виталик. Мы жили в соседних дворах, каждый день встречались в песочнице. А самая крепкая дружба, как известно, именно там и зарождается. Я до сих пор помню, какие красивые у него были формочки для песка: машинки, вишенки, цветочки... И он, добрый мальчик и будущий галантный кавалер, всегда с улыбкой предлагал мне первой выбрать любую формочку и делать «тортики». Так произошло наше «распределение обязанностей» — я была продавцом-изготовителем, а Виталик — покупателем, расплачивающимся зелеными листочками сирени вместе денег.

Потом мы пошли в один класс. И его, и меня мамы отдали в единственную на тот момент в нашем городе школу с английским уклоном. Виталика я, пожалуй, даже могу назвать своей первой любовью. Я хорошо помню его серьезные карие глаза, стеснительную улыбку, белобрысый чуб, никак не желающий укладываться вправо или влево, и какой роскошный букет белых гладиолусов был у него на первое сентября. В школе я поняла, что он мне нравится больше, чем друг, но приставать к мальчишке с такими глупостями не стала — вдруг он обидится и не станет ходить ко мне в гости? Сейчас это кажется таким наивным и смешным, а тогда я всё принимала всерьез. И взяла за правило, что лучше молчать, но иметь возможность быть рядом, чем кричать на каждом углу о своих чувствах и быть отвергнутой.

А потом Виталик уехал. Мы едва закончили пятый класс, когда его родители собрались переезжать в другой город, поближе к столице. Помню, как обидно мне было, когда он сказал мне об этом со счастливым видом,

предвкушая грядущие перемены, полный энтузиазма. «Предатель!» — выкрикнула я и выставила его за дверь. Думала, у нас еще будет время помириться. Надеялась, что Виталик поймет, что наша с ним дружба гораздо важнее, и передумает. А он уехал через два дня. С тех пор мы больше не виделись, и я даже не представляю, как он сейчас выглядит.

Странно, что сегодня мне это вспомнилось. Я уже давно не думала об этом мальчике, как о давно забытой незавершенной истории. А сегодня к нам в гости пришла одна из маминых подруг — тетя Галя, с которой они давно не виделись, и, заметив меня, сделала удивленное лицо и всплеснула руками:

— Наденька! Вот так выросла! Катя, ты посмотри, какая у тебя дочь стала! Я помню её большеглазой светловолосой девочкой четырех-пяти лет, а сейчас передо мной сидит уверенная в себе красавица на выданье! Да-а-а, мы стареем — вы растете, — она вздохнула, усаживаясь напротив меня и пристально изучая взглядом, отчего мне стало не по себе, и с явным интересом задала вопрос о моей личной жизни: — Рассказывай, Наденька, женихи-то есть?

И почему каждый второй пытается вторгнуться в мое личное пространство и вырвать из души признания? Почему они все считают себя полноправными задавать такие вопросы? Неужели нельзя интересоваться только учебой и увлечениями в свободное время? Мне не нравится, что в стандартный набор вопросов теперь вошел и этот: «Жених-то есть?»

Опустив голову, я пробормотала что-то невнятное, и мамина подруга громко рассмеялась:

— Ой, ладно, застесняла девку! Не хочешь — не говори! Ты в каком нынче классе?

Кое-как дождавшись пяти часов, я бросила умоляющий взгляд на маму, напоминая о нашей договоренности.

— Иди, — разрешила она с полуулыбкой на лице, и я, быстро поцеловав её в щеку и попрощавшись с тетей Галей, выскочила из дома.

В переполненном автобусе я добралась до центральной площади, где намечался концерт в честь дня города. Я не люблю массовые мероприятия, когда вокруг много народу, и ты невольно теряешь сам себя, но вместе с тем мне нравится это ощущение праздника, невероятная атмосфера детства и радости, которая царит в городе весь этот день.

Выбравшись из автобуса на нужной остановке вместе с большей частью пассажиров, я тут же набрала номер Лики. Она ответила уже через несколько гудков:

— Я подъезжаю! Стой на остановке и никуда не уходи. Две минуты!

Куда ж мне уйти? Придется ждать. Опаздывать куда-то и ожидать чего-то не любят почти все мои знакомые. Злятся, ворчат, а время от времени всё равно попадают в подобные ситуации. С опозданием всё понятно: вышел бы пораньше, не пришлось бы корить себя за несобранность и гнать «скорее, скорее...» А вот что делать с ожиданием? Если не ты, а твой попутчик, друг, собеседник опаздывает? Я люблю ждать. Ведь это момент, когда появляется время о чем-то подумать, остановиться, взглянуть на жизнь и мир вокруг себя. Ведь мы всё время вращаемся вокруг своей оси, видим только себя и свои проблемы, а до других дела нет. А так как Лика частенько опаздывает, подобное время для размышления, хоть по паре минут, у меня выкраивается частенько. Этого, конечно, недостаточно, чтобы целиком отвлечься от своих насущных проблем и окунуться в бурлящую жизнь вокруг, где ты — только сторонний наблюдатель. Но иногда наталкивает на разные интересные мысли.

Например, один из актуальных вопросов для меня — как в таком количестве людей, сотен лиц, которые каждый день спешат мимо, можно узнать того человека, что станет судьбой? Как пара секунд могут перевернуть жизнь двоих? Загадка, на которую я еще не получила ответа.

С площади раздавались звуки музыки и неразборчивые слова, произносимые ведущими в микрофон. То там, то здесь слышались веселые крики отдыхающих. Каждые двадцать секунд к остановке подъезжал какой-нибудь автобус, выпуская ещё один поток людей. Все они такие разные. Вот

пожилая пара, солидно шагающая по тротуару и с доброй, счастливой улыбкой оглядывающая попадающихся навстречу людей. Они не держатся за руки, но идут близко-близко, и я им немного завидую. Они не утратили родство душ, а это действительно ценно.

Вот семейная пара с бегущей впереди девчушкой лет четырех. Девочка держит в руках яркий шарик и что-то напевает. Неужели и я была такой же? Уже и не помню. Как будто мне всегда было шестнадцать. И каждый день — ранние подъемы, зарядка, завтрак, триста двадцать семь шагов до остановки, пятнадцать минут — поездка в автобусе, школа... Не то чтобы я не люблю ее, просто некоторые предметы выводят меня из себя. Почему таким неспособным к вычислительным операциям девушкам, как я, не позволить выучить математику в рамках начальной школы и не заставлять зубрить эти непонятные формулы, интегралы, тригонометрические функции, которые лишь заполняют мозг лишней информацией?!

Лица говорит, что наш препод по математике классный и нам повезло. В параллельном десятом «А» алгебру и геометрию ведет сварливая женщина преклонных лет, которая всегда ходит с недовольным лицом и презрительно смотрит на окружающих из-под стекол своих очков. Да, конечно, он классный, но только если у тебя с математикой полный порядок. А у меня с ней полный провал! И даже классный препод не поможет мне в этом полугодии заработать четверку. Конечно, до конца полугодия ещё достаточно времени и «если я приложу достаточное количество усилий и желаний», у меня всё получится — именно так и твердит этот «классный», но у меня нет абсолютно никакого желания пытаться понять эту «царицу всех наук» без которой «непостижимо устройство мира» (опять же, цитируя математика). Я уже устала, несмотря на то, что учимся мы всего три недели. Знаете, мне ближе высказывание Джорджа Пойа, который писал: «Математика — это доказательство самых очевидных вещей наименее очевидным способом». Разве не так?

Очередной подъехавший к остановке автобус выпустил новую партию пассажиров. Сегодня все едут на праздник, в центр города, где можно встретить половину своих знакомых (проверено опытом!) — так много людей здесь собирается.

На этот раз среди вышедших из общественного транспорта я вижу и Лику. Гордо расправив спину и улыбаясь своей солнечной улыбкой, она шла мне навстречу и сразу же чмокнула в щечку:

— Привет! Не заждалась?

— Да нет, — немного слукавила я.

— Что-то с погодой сегодня странное, я зонтик взяла, — помахивая зонтом-тростью в руках, произнесла Лика.

Я подняла глаза к небу и заметила серые тучи, медленно обволакивающие небо и грозившие пролиться дождем. Но, может быть, ветер унесет их в другую сторону, и непогода минует сегодня наш город?

— Как думаешь, будет сегодня выступать кто-нибудь из приглашенных артистов? — спросила я, прикидывая в уме, кого бы хотела увидеть, и чье выступление может потянуть бюджет нашего города.

— Не слышала ничего об этом. Но вообще — не исключено. А ты бы кого хотела видеть? Кого-нибудь из попсы?

Вообще-то я всегда не согласна с теми, кто скептически выражается по поводу этого музыкального направления. Я действительно предпочитаю слушать поп-музыку, но это не значит, что вся она — сплошное недоразумение. Как и в любом жанре, здесь есть и достойные представители искусства, и те, кто жаждет славы и (или) денег, не заботясь о качестве. Это есть везде: и в роке, и в рэпе, и в хип-хопе — везде! Но негативно отзываюся почему-то всё чаще именно об этом музыкальном направлении. Хотя тексты отдельных исполнителей отнюдь не лишены смысла. Эти мысли я неоднократно высказывала подруге, поэтому она, вероятно, уловив перемену в моем лице, примиряюще произнесла:

— Я никого не хотела обидеть. Просто поп-музыка — слишком длинно.

— Не длиннее, чем твой любимый рок-н-ролл, — снисходительно улыбнулась я, кривя губы в усмешке.

С моим настроением что-то не то. Зря я, наверное, вспомнила про математику. Эти мысли всегда действуют на меня негативно.

Мы с Ликой неспеша брели вдоль витрин магазинов, и я ловила наши с ней отражения, невольно сравнивая их. Мы даже внешне с ней разные. Неунывающая подруга — всегда яркая, стильная, ухоженная барышня. Со светлыми волосами чуть ниже плеч, в ярко-красном плаще на пуговицах, с зонтиком-тростью в руке и маленькой сумочкой через плечо.

Я чуть повыше её. Мои волосы темно-русого цвета переброшены на одно плечо и немного вьются. На мне теплый серый джемпер и джинсы, а на плече обычная сумка светло-коричневого оттенка. Лика время от времени пытается убедить меня, что я симпатичная, что у меня выразительные карие глаза и длинные ресницы, немного пухлые губы и красивый цвет волос, но я не считаю это поводом для гордости. Пусть Лика и не обладает настолько хорошими природными данными, чтобы затмевать других девушек, но она умеет подать себя — вот что главное. Ей не нравился ее невнятный цвет волос — перекрасилась в блондинку. Ей плевать, что в ней всего сто шестьдесят пять сантиметров, она по желанию носит туфли на каблуках и спокойно может пойти в балетках. Она говорит то, что думает, и люди — удивительно! — принимают и любят ее такой. Она всегда окружена вниманием, как мужским, так и женским. А ее легкий характер позволяет ей обходиться без видимых врагов и неприятелей. В ней скрыто необъяснимое обаяние, притягивающее людей как магнит. Вот это главное. Вот этими свойствами я бы хотела обладать. Но я меланхолик, заикленный на себе и предпочитающий осторожно поглядывать на окружающих из своего панциря, чем высовываться самой и пытаться что-то доказать миру.

Пока я думала об этом, Лика болтала о знакомом, пытавшемся пройти конкурс в крутую вечернюю школу иностранных языков.

Звуки с площади уже стали весьма отчетливыми, до нее оставалось недалеко. Нас постоянно кто-то обгонял, кто-то шел навстречу, покидая шумное пространство центра. Малыши с воздушными шариками,

наполненными гелием, родители, гордо следующие за своими чадами и не выпускающие их из вида, молодые влюбленные пары с живыми, лучащимися счастьем взглядами. Кажется, весь город сегодня был пропитан необыкновенной атмосферой праздника и веселья.

«Надя, тебе нужно отключить мысли и просто порадоваться тому, что ты видишь», — мысленно произнесла я, делая вдох и выдох и стараясь взглянуть на мир другими глазами.

Сколько раз я пыталась это сделать! Но не бывает такого чуда, чтобы — раз! — в один из понедельников проснуться новым человеком, полюбить весь мир и принять саму себя такой, какая есть. За всем этим стоит планомерная работа над собой и своими мыслями, я это знаю. Но в моих мечтах быть другой получается лучше, чем на самом деле.

Внезапно мой слух уловил какие-то звуки, вклинивающиеся в общее веселье, диссонансом врезающиеся в музыку, не вписывающиеся в общий фон. Звук был похож на вибрацию, и он возрастал, становясь всё сильнее.

— Что это? — спросила я Лику, пытаюсь определить, откуда исходит этот шум.

Подруга недоуменно подняла голову к небу, стараясь прислушаться, но в этом скоплении людей и звуков ничего невозможно было понять.

Люди вокруг тоже стали с любопытством поднимать головы. Они смеялись, болтая о чем-то своем, тыкая пальцем в небо и строя различные догадки.

Через десять секунд за деревьями показались вертолеты. Их было несколько, и они были какого-то странного вида. Прежде мне доводилось видеть только пассажирские вертолеты, а эти были темно-серого цвета и выглядели мощно и устрашающе. Звук от работающих моторов возрастал, и не услышать его теперь стало невозможно.

Сердце тревожно забилося в груди. Я безотрывно смотрела вверх, не понимая, почему они летят так низко и куда держат путь в таком количестве.

Молодые люди, остановившиеся рядом с нами, указывали пальцем в небо, махали руками и кричали:

— Привет! Эй, мы тут! — Два парня и две девушки чуть старше нас с Ликой.

— Пошли подальше, вон туда, здесь деревья мешают их видеть, а я хочу заснять на мобильник такую экзотику в нашем захолустье, — предложил один из парней, и я провожала их взглядом, пока они не потерялись из вида в толпе.

— Что это? — ещё раз произнесла я, не столько обращаясь к подруге, сколько пытаюсь унять смутную тревогу, возрастающую с каждой секундой.

Вертолеты уже пролетели над нами и теперь двигались дальше, в сторону площади. Я насчитала шесть штук.

— Не знаю. Может быть, это запланировано? — пожала плечами подруга. — Какой-нибудь сюрприз.

Я хотела сказать ей, что не представляю, какой сюрприз может быть связан с этими штуками, но не успела, потому что в этот момент произошло то, чего никто не мог ожидать.

Один из вертолетов, идущих впереди, опустился ниже, зависая прямо над площадью. А потом с оглушительным грохотом что-то рухнуло на площадь, накрывая волной огня тех, кто на ней собрался.

Глава 2

Я непроизвольно вжала голову в плечи и зажмурила глаза. С разных сторон раздались крики ужаса. Они повсюду. Люди в панике расталкивали друг друга, стараясь скорее убраться отсюда. Меня оттолкнули в сторону, пришлось разлепить веки.

Я открыла глаза и увидела, как густая пелена дыма поднималась вверх. Вертолетов нигде не было видно.

«Взрывчатка! Они сбросили на площадь взрывчатку!» — пульсировало в голове.

Я не видела ее падения, но слышала мощный взрыв как раз в районе площади, всего в пяти минутах ходьбы от нас.

— Что происходит? — прокричала я и не расслышала собственный голос. Он потонул среди общего хаоса.

Теперь страх атаковал меня, полностью овладел моим сознанием. Я чувствовала как судорожно сжимается сердце, как кружится голова, и ноги вдруг стали какими-то ватными. Всё вокруг превратилось в сплошной хаос.

Я суматошно огляделась, отыскивая глазами подругу, и наконец столкнулась с ее испуганным взглядом. Каким-то образом мы оказались в десятке шагов друг от друга, а между нами — нескончаемый поток людей с безумными глазами, мчащихся прочь.

Подобные моему крики раздавались со всех сторон. Люди безжалостно расталкивали друг друга, еще больше увеличивая расстояние между мной и Ликой. Людской волной, невысказанным потоком, образовавшимся вокруг в один миг, нас разбросало в разные стороны.

Еще на секунду я успела поймать на себе ее безумный взгляд и расслышать свое имя, а потом меня резко толкают, отчего я едва не упала на землю.

В памяти обрывочно мелькает что-то из школьного курса ОБЖ: надо двигаться вместе с толпой, выставить вперед локти и защищаться, нельзя упасть, иначе меня затопчут.

Я старалась добраться от середины потока к краю, но это оказалось не так легко. Я хотела оглянуться в поисках Лики, но какой-то мужчина сзади тут же грубо пихнул меня ногой, с негодованием восклицая:

— Живее! Ты что, жить не хочешь?

Поток людей нескончаем: лица, лица со всех сторон, куда ни глянь — обезображенные ужасом, зареванные, кашляющие, панически оглядывающие друг друга. Кажется, этому не будет конца. Люди безжалостно наступают на ноги, бьют по голове и рукам, стараясь выбраться. Все опасаются повторения взрыва.

Где-то проскочило слово «теракт», и снова леденящий ужас скользнул по лицам услышавших это.

«А ведь кто-то погиб... Там было много людей», — мерцает в моем сознании.

С запозданием слышится противный рев сирен, усиливая панику еще больше.